

УДК 1(470)(091)

**БОЛЬШАЯ ИСТОРИЯ РУССКОГО КОНСЕРВАТИЗМА:
РЕШЕНИЯ И ПРОБЛЕМЫ**

© 2012 г.

В.А. Кумаев

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

vlakit@mail.ru

Поступила в редакцию 29.05.2012

Анализируется содержание энциклопедии «Русский консерватизм середины XVIII – начала XX века», обозначаются «белые пятна» и дискуссионные проблемы в освещении истории этого идейного направления.

Ключевые слова: Россия, консерватизм, вторая половина XVIII века, начало XX века.

Написать эти заметки побудило автора знакомство с недавно вышедшей в свет энциклопедией «Русский консерватизм середины XVIII – начала XX века» [1]. Они, разумеется, не претендуют на тотальное рецензирование, т.е. на оценку всего и вся в издании, информационная насыщенность которого несопоставима с научным багажом даже очень искушенного эксперта. Это – всего лишь некая сумма неизбежно избирательных и субъективных впечатлений, оценок, дискуссионных суждений. Надеемся, что они окажутся небесполезными для осмысления сделанного и определения путей дальнейшего изучения темы.

О предыстории книги. Первый энциклопедический словарь по истории русской общественной мысли XVIII – начала XX в. в целом вышел в 2005 г. [2]. Но Институт общественной мысли и издательство РОССПЭН, которым мы должны быть благодарны за изданный тогда том, не удовлетворились сделанным. Уже в ходе разработки идеи и реализации этого проекта его инициаторам стала очевидной необходимость расширения фронта работы в избранном направлении. Родилась идея подготовки отдельных энциклопедий по трем основным направлениям общественной мысли – либерализму, консерватизму и радикализму. Это решение диктовалось, как нам представляется, двумя очевидными фактами – идейной дифференциацией российского общества в постсоветский период и связанным с ней, быстро прогрессирующим «разделением труда» среди специалистов по истории общественной мысли. Молодость историографии русского консерватизма не стала непреодолимым препятствием на пути подготовки специального тома.

Руководитель проекта В.В. Шелохаев так видит тематическую группировку статей, вклю-

ченных в словарь: 1) основные понятия (концепты), составляющие идеологическое ядро российского консерватизма; 2) персоналии; 3) политические и общественные структуры; 4) органы печати. Приглядимся к тому, как реализуется эта схема.

Самой малочисленной по статейному наполнению и вместе с тем наиболее спорной, на наш взгляд, является первая, «понятийная» группа. Составители, как нам кажется, так и не ответили сами себе на вопрос, что они хотят представить: устойчивые понятия из текстов-источников, принадлежащих консервативным мыслителям и публицистам; научные термины, с помощью которых описывается феномен консерватизма; или концепты враждебных консерватизму идеологий, ставшие мишенью его критики? Смешение этих понятийных рядов налицо. В противном случае на равных правах не фигурировали бы «автаркия», «кооперация», «панславизм», «парламентаризм», «прогресс», «этатизм». Но если даже и следовать принятой логике, то все равно в словаре явно не хватает статей о капитализме, национализме, традиционализме и т.д. Идеологическое же ядро русского консерватизма как таковое непредставимо без таких понятий, как «свобода», «развитие», «органицизм», «реформа». Статей на эти темы читатель также не найдет.

В группе материалов о партийных и общественных консервативных структурах присутствуют, кроме прочих, материалы, посвященные деятельности неформальных образований, основной задачей которых была выработка идейно-теоретических основ русского консерватизма. Этот тип объединений просуществовал примерно до 1860-х гг., завершив свое существование в славянофильстве. Но если славянофильство и славянофилы нашли на страницах

энциклопедии свое законное место (вопрос об убедительности интерпретации темы мы оставляем пока в стороне), напрасно будет искать здесь отдельную историческую справку о масонстве, которое стояло у истоков формирования консервативной идеологии. Не повезло в этом смысле и кружку Любомудров. Он упоминается, правда, в статье о В.Ф. Одоевском. Но, думается, этого недостаточно.

Самую значительную часть книги составляют биографии наиболее крупных представителей российского консерватизма – его теоретиков и практиков. Первое, на что сразу же обращаешь внимание в *personalia*, – игнорирование «консервативной» энциклопедией российских самодержцев, с именами которых обычно связываются периоды консервативной внутренней политики (Павел I, Николай I, Александр III и Николай II). Особенно заметно отсутствие Александра III, бывшего настоящим кумиром в глазах русских консерваторов рубежа XIX–XX вв. Из представителей царствующего дома только хозяйка тверского политического салона вел. кн. Екатерина Павловна получила «прописку» в томе. А ведь ее «одинокство» здесь могли скрасить ее мать – вдовствующая императрица Мария Федоровна, брат и тогдашний наследник престола вел. кн. Константин Павлович.

Этот факт кажется тем более странным, когда выясняется, что деятели высшей бюрократии – от А.Х. Бенкендорфа и С.С. Уварова до Д.А. Толстого, С.Ю. Витте и П.А. Столыпина – выступают героями отдельных статей. Монархи, таким образом, отсечены от своих главных правительственных агентов. Почему?

Вопрос «почему» возникает еще раз в связи с именами С.Ю. Витте и П.А. Столыпина, консервативная репутация которых не вызывает у составителей никаких сомнений. Но ведь это далеко от действительности. Витте, поднявшийся в своей эволюции до авторства Манифеста 17 октября 1905 г., плохо смотрится с клеймом «консерватор». «Свою стратегическую задачу Столыпин видел в органическом соединении двух важных звеньев – правового государства и раскрепощенной личности. <...> Стратегическая цель Столыпина – сформировать в России в кратчайшие исторические сроки средний класс, способный стать фундаментом гражданского общества и правового государства», – пишут авторы статьи о нем [1, с. 492–493]. Это утверждение входит в прямое противоречие с решением зачислить Столыпина в ряды консерваторов.

Среди консервативных публицистов значится в словаре только один ученый-естественник в статусе университетского профессора. Это

физик Н.А. Любимов, редактировавший катковский «Русский вестник» с 1863 по 1882 г. Рядом с ним мог и должен был оказаться всемирно известный химик Д.И. Менделеев, экономическая и политическая публицистика которого дает основание видеть в нем мыслителя, весьма близкого по своим взглядам консервативным кругам (в 1905 г. он даже вступил в «Союз русского народа»). Однако следов автора «Заветных мыслей» и «К познанию России» здесь обнаружить не удастся.

Естественно, шире выглядит круг ученых-гуманитариев. Тут мы находим историков К.Н. Бестужева-Рюмина, Д.И. Иловайского, М.О. Кояловича, В.И. Ламанского, историка литературы О.Ф. Миллера. В двух случаях авторы статей явно не «поражают цели». В чисто историографическом очерке о К.Н. Бестужева-Рюмине не приведено сколь-нибудь серьезных аргументов в пользу консерватизма общественно-политических взглядов историка. Столь же неубедительна попытка записать в ряды консерваторов О.Ф. Миллера. К сожалению, в томе не нашлось места для характеристики бесспорно консервативной позиции известного историка П.К. Щербальского, подвизавшегося в качестве публициста в «Русском вестнике».

Тема «русская литература и консерватизм», разумеется, не могла быть обойдена в энциклопедии. Однако она не получила здесь той полноты разработки, которую по праву заслуживала. Фигуры Г.Р. Державина и Ф.И. Тютчева выглядят одиноко вне впечатляющего ряда русских писателей, оказавшихся мировоззренчески в силовом поле консерватизма, но почему-то забытых составителями словника. Как можно говорить о русском консерватизме, не вспоминая при этом А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, Ф.М. Достоевского, Н.С. Лескова, Л.Н. Толстого, В.В. Розанова! Истины ради следует сказать, что характер социально-политических идей Достоевского определен в статье «Почвенничество». Однако наследие Достоевского-мыслителя и публициста заслуживало более обстоятельного, «монографического» прочтения. Ведь «почвенники» А.А. Григорьев и Н.Н. Страхов удостоились отдельных статей.

В энциклопедии присутствует небольшая группа материалов, не упомянутая в классификации В.В. Шелохаева. Это статьи о программных текстах консервативной публицистики первой четверти XIX в.: «Рассуждение о старом и новом слоге русского языка» А.С. Шишкова, «Мысли вслух на красном крыльце» Ф.В. Ростопчина, «Записка о древней и новой России» Н.М. Карамзина. Таким образом, мы имеем дело со своеобразными приложениями к

портретам их создателей. Но чем мотивировалось в данном случае отделение текстов от их творцов и почему выбраны только эти произведения – остается неясным. В равной мере с ними на характеристику в книге могли претендовать памфлет М.М. Щербатова «О повреждении нравов в России», «Письма из Франции» Д.И. Фонвизина, «Выбранные места из переписки с друзьями» Н.В. Гоголя, записка К.С. Аксакова «О внутреннем состоянии России» и пр.

Теперь от деталей к целому.

Отличительная черта этого третьего за последние несколько лет энциклопедического издания по истории русской общественной мысли состоит в том, что его архитекторы предприняли вполне оправданную, более того, просто необходимую попытку концептуализации собранного здесь фактического материала. Вводная статья «Консерватизм в России» написана известными специалистами в изучении темы, членами редколлегии тома А.Ю. Минаковым и А.В. Репниковым. Зная их работы [4, 6], можно с минимальной долей ошибки определить в данном случае линию их хронологического размежевания: середина XIX века.

А.Ю. Минаков вполне убедителен в материале по первой четверти XIX в. Им названы все внутри- и внешнеполитические факторы, под воздействием которых шел процесс утверждения консерватизма в России, определен набор ценностей, которые им отстаивались. Выявлены главные «продуценты» консервативной идеологии, общественные группировки консервативной ориентации. К сожалению, автор отказался дать ту четкую типологию течений в русском консерватизме первой четверти XIX в., которую он однажды предложил: 1) церковный; 2) светский православно-самодержавный; 3) русско-националистический; 4) масонский; 5) мистико-космополитический; 6) католический [3]. Эта классификация в энциклопедии была бы абсолютно на месте (как, впрочем, и попытка упорядочить картину в этом смысле применительно к периоду 1830 – начала 1900-х годов).

В статье нет ни одной отсылки ко второй половине XVIII в., следовательно, не найти здесь и попытки посвятить читателя в проблематику генезиса консерватизма в России. Буквально одной фразы о том, что консерватизм «первоначально представлял собой реакцию на радикальную вестернизацию, проявлениями и главными символами которой... стали реформы Петра I», недостаточно. М.М. Щербатов – опорная фигура этого периода – упомянут лишь вскользь. Не нашли здесь места Д.И. Фонвизин и И.Н. Болтин, внесшие свой, хоть и менее значительный, чем Щербатов, вклад в идейную копилку консерватизма.

Что касается второй четверти XIX столетия, то картина бытования консервативных идей в русском обществе в этот период могла быть также полнее. Да, здесь на своем месте стоят теория официальной народности и славянофильство, но отсутствуют А.С. Пушкин и Н.В. Гоголь, В.Ф. Одоевский и Любомудры. В разработке славянофильской темы очень хотелось увидеть соображения о причинах возрождения консервативной, теперь уже «антикапиталистической» и «народной» утопии (определение А. Валицкого). Опять же в связи со славянофильством стоило отметить, что консерватизм мог выступать и в антиэтатистском облике. Однако эти проблемы остались «за кадром». Заметим попутно, что молчит о них и автор статьи «Славянофильство».

Пореформенный консерватизм оказался перед фактом превращения модернизации (капитализма) в России из фантома в реальность. Анализируя реакцию консерваторов на этот исторический сдвиг, А.В. Репников выявляет целый ряд новых моментов в их мышлении и социально-политической практике. Консервативная мысль, отмечает он, упростила свой язык, пытаясь адаптировать теорию для массового сознания. Уже на рубеже 1870–1880-х гг. наметилось стремление консерваторов к организационному объединению, сформировалась система печатных изданий. По мнению А.В. Репникова, в конце 1870 – 1880-х гг. «наблюдался расцвет русского консерватизма, создавались предпосылки для его оформления в идеологию» [1, с. 10]. На рубеже XIX–XX вв. имела место трансформация консервативных идей: наблюдалась эволюция от умеренно-консервативных взглядов к охранительным (М.Н. Катков, К.П. Победоносцев), от национал-изоляционизма – к признанию общего пути развития России и Запада (М.О. Меньшиков). Стало очевидным, что консерватизм готов искать компромисс с происходившими в стране переменами, пытаясь при этом минимизировать их болезненность. Однако в теоретическом плане, констатирует А.В. Репников, консерваторы потерпели неудачу в том смысле, что «универсальная “консервативная философия” так и не сложилась» [1, с. 11]. В конечном счете, заключает он, «соединить консерватизм и модернизацию не удалось, и все закончилось революцией» [1, с. 17].

При всей своей «персонально-организационной» плотности эта часть статьи понесла одну заметную потерю. Таковой оказалось пореформенное славянофильство, о котором не сказано ни слова. Вполне выявилась и еще одна содержательная лакуна статьи в целом. Как и его соавтор, А.Е. Репников предпочел не касаться проблемы консервативной политики самодержавия, хотя она предельно актуализируется царствованием Александра III.

Читаешь статью с надеждой, что ее авторы попытаются хотя бы в какой-то степени компенсировать тот дефицит теоретического, который мы обнаружили, перебирая статьи о понятиях, выражающих суть консерватизма. Однако ситуация с нехваткой материалов этого рода не столько смягчается, сколько усугубляется прежде всего по той причине, что А.Ю. Минаков и А.В. Репников не смогли согласовать свои позиции в принципиально важном вопросе – имел ли место в России консерватизм как идеология. А.Ю. Минаков начинает с определения консерватизма как «общественно-политического течения», но активно пользуется и понятием «идеология», рассматривая их, видимо, как синонимы. «Содержание консервативной идеологии, – уточняет он свое видение проблемы, – на практике оказалось достаточно плюралистичным и конфликтным. Консерватизм никогда не являлся универсальной идейной конструкцией с четко очерченной системой взглядов» [1, с. 6]. Как одно из главных направлений русской общественной мысли, окончательно оформившихся в царствование Александра I, консерватизм выступает и в новейшей монографии А.Ю. Минакова [4, с. 5].

А.В. Репников, как мы уже отметили, говорит только о «предпосылках» для оформления консерватизма в идеологию и признает, что универсальная «консервативная философия» в России так и не сложилась. При этом он не отказывается от выделения «ряда общих признаков, в целом присущих консервативной системе мировоззренческих ценностей».

Так возникла ли идеология консерватизма в России – этот вопрос так и остается открытым.

Между тем трудность, перед которой в некоторой растерянности остановились авторы, является мнимой. А. Валицкий, отталкиваясь от идей К. Мангейма, еще в середине 60-х годов прошлого века (в 1964 г. на польском языке вышла его книга «В кругу консервативной утопии») выстроил иерархию понятий «консервативное мировоззрение», «консервативная утопия», «консервативная идеология» [5]. Обидно, что нынешние «энциклопедисты» прошли мимо его теоретико-методологических предложений, хотя их собственные суждения фактически вписываются в предложенную А. Валицким систему понятийных координат.

Чрезвычайно интересным и продуктивным остается по сей день наблюдение Валицкого о неизбежной дезинтеграции славянофильской утопии в эпоху капиталистической трансформации России. Но и оно оказалось невостребованным.

Наряду с понятием «консерватизм» в статье Минакова и Репникова используются близкие ему по смыслу, но не тождественные понятия «традиционализм» и «охранительство». Присутствует и «реакция». Растолковывается только смысл последней – надо было отграничить от нее консерватизм, обладающий несомненным реформистским потенциалом. Для дефиниций двух первых места почему-то не нашлось.

Статья прибавила бы в своих научных кондициях, если бы ее авторы отважились на построение периодизации истории русского консерватизма. Эмпирического материала для такой, хотя бы предварительной, конструкции было более чем достаточно.

Не секрет, что авторы работ по консерватизму в России, появившихся в последнее время, нередко реализуют в них не только академический интерес, но и собственные идеологические предпочтения. А.Ю. Минаков и А.В. Репников, кажется, избегают этого искуса: дух энциклопедии требует беспристрастности. Однако совсем уйти от попыток актуализации темы они все-таки не захотели. Отстраняясь от крайностей негативизма и апологетики в отношении консерватизма, авторы реабилитируют его, встраивая в понятие «консервативной модернизации». Она-то и представляется им идеальной моделью общественного развития, ибо в ней традиционалистские установки должны мирно ужиться с социально-политическим реформированием. В таком случае надо было включить в том специальную статью о волнах консервативной модернизации в России и их результатах. Ни одна из них так и не привела в действие механизм устойчивого органического саморазвития.

И уж если речь зашла о признании консерваторами правомерности избирательной модернизации, то, само собой, напрашивалось рассмотрение вопроса о возможности (и даже неизбежности) их частичного компромисса со своими идейными противниками-либералами. Понятие «либеральный консерватизм» весьма устойчиво в современной исторической и политологической литературе. Оно должно было занять свое место и в энциклопедии.

Итак, речь в наших «маргиналиях» идет в основном об упущениях в словарном составе, случаях недостаточной терминологической и теоретической внятности. Во всем этом отразились, несомненно, трудности роста «консервативной» историографии. Она еще действительно молода. Первый обобщающий труд и капитальные работы по отдельным периодам истории русского консерватизма появились только в последние годы [4, 6, 7, 8]. В таком случае законен вопрос: «по возрасту» ли этому историо-

графическому побегу энциклопедический формат? Может быть, не стоило спешить с подготовкой тома? Эти сомнения отпадают, когда на одну чашу весов ложатся масштаб, научная добротность этого труда в целом, а на другую – практически неизбежные для любой фазы зрелости проблемной историографии пробелы и ошибки. Выход энциклопедии, вне всяких сомнений, своевремен. Выявляя неосвоенные области и нерешенные вопросы, она становится необходимой отправной точкой для дальнейшего развития исследований по истории русского консерватизма. Современная общественная мысль получила еще один необходимый исторический ориентир.

Список литературы

1. Русский консерватизм середины XVIII – начала XX века: Энциклопедия / Отв. ред. В.В. Шелохаев. М.: РОССПЭН, 2010. 639 с.
2. Общественная мысль России XVIII – начала XX века: Энциклопедия / Отв. ред. В.В. Журавлев. М.: РОССПЭН, 2005. 704 с.
3. Минаков А.Ю. Опыт типологии течений в русском консерватизме первой четверти XIX века // Российская империя: стратегии стабилизации и опыты обновления / Под ред. М.Д. Карпачева, М.Д. Долбилова, А.Ю. Минакова. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2004. С. 267–280.
4. Минаков А.Ю. Русский консерватизм в первой четверти XIX века. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2011. 560 с.
5. Славянофильство и западничество: консервативная и либеральная утопия в работах Андрея Валицкого. Вып. 1. М.: ИНИОН, 1991. С. 8–22.
6. Репников А.В. Консервативные концепции переустройства России. М.: Академия, 2007. 520 с.
7. Шульгин В.Н. Русский свободный консерватизм первой половины XIX века. СПб.: Нестор-История, 2009. 496 с.
8. Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика / Под ред. В.Я. Гросула. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 440 с.

THE GRAND HISTORY OF RUSSIAN CONSERVATISM: SOLUTIONS AND PROBLEMS

V.A. Kitaev

The content of the encyclopedia «Russian Conservatism from the middle of the 18th to early 20th century» is analyzed. Some «blind spots» and debatable questions in the history of this ideological stream are discussed.

Keywords: Russia, conservatism, the second half of the 18th century, early 20th century.